



УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ФИЛОСОФИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
s.rossinskiy@gmail.com

Введение: в статье обосновывается потребность в выявлении и уразумении наиболее приемлемого доктринального подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания, исходя из постулатов философии в целом и философии права в частности.

Материалы и методы: при подготовке статьи использовались научные публикации гносеологической направленности, в которых освещены методологические проблемы познания, в том числе восприятия людьми обстоятельств окружающей реальности. Кроме того, использовались научные монографии и статьи, посвященные проблематике уголовно-процессуального доказывания. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным (диалектическому, системному, логическому и др.) и частнонаучным (формально-юридическому, прогностическому и др.) методам исследования.

Результаты исследования: обоснована приоритетность интегративного подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания, сводящегося к включению в его содержание как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.

Выводы и заключения: определены направления и намечены пути для продолжения научных исследований, повешенных проблемам доказывания в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: доказывание, логика доказывания, познание, предмет доказывания, способы доказывания, уголовно-процессуальное познание, философия доказывания, философия права.

Для цитирования: Россинский С. Б. Уголовный процесс: философия доказывания / С. Б. Россинский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 151–160.

Original paper

CRIMINAL PROCEDURE: PHILOSOPHY OF PROOF

Rossinsky Sergey Borisovich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article substantiates the need to identify and develop the most acceptable doctrinal approach to understanding criminal procedural proof, based on the postulates of philosophy in general and the philosophy of law in particular.

Materials and methods: when preparing the article, scientific publications of an epistemological focus were used, which cover the methodological problems of cognition, including people's perception of the circumstances of the surrounding reality. In addition, scientific monographs and articles devoted to the problems of criminal procedural proof were used. The methodological basis of the article is reduced to general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, prognostic, etc.) research methods.

Results of the study: the priority of the integrative approach to understanding criminal procedural proof is substantiated, which is reduced to the inclusion in its content of both cognitive (cognitive-verifying) techniques and various argumentative-logical operations.

Findings and conclusions: directions have been defined and ways have been outlined for continuing scientific research devoted to the problems of proof in criminal proceedings.

Keywords: proof, logic of proof, cognition, subject of proof, methods of proof, criminal procedural cognition, philosophy of proof, philosophy of law.

For citation: Rossinsky S. B. Criminal procedure: philosophy of proof / S. B. Rossinsky // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 151–160.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Общеизвестно, что одно из множества бытующих пониманий философии неразрывно связано с совокупностью или даже системой методологических принципов и постулатов, обуславливающих сущность, смысл и содержание какой-либо науки, межотраслевой области знаний или сферы жизнедеятельности. В связи с этим существуют философия истории, философия политики, философия войны и мира, философия семейных отношений и т. д. Ученые-правоведы нередко сталкиваются с потребностью в обращении к философии права – наиболее общей и пространной области юрико-ориентированных знаний о закономерностях возникновения и развития различных государств с со свойственными им правовыми системами [1, с. 9]. Будучи воплощениями наиболее концептуальных мировоззренческих идей в формальную материю, в юридические правила поведения и взаимодействия участников общественных отношений, каноны философии права нередко способствовали и продолжают способствовать выявлению существенных доктринальных, нормативных и прикладных проблем, присущих тем или иным сферам правового регулирования. Причем достаточно важное значение таких канонических для развития отраслевых юридических наук усматривается в гипотетических возможностях методологического осмысления и более или менее приемлемой формализации врожденных, полученных человечеством «свыше» и, следовательно, не вполне предрасположенных к нормативному «обузданию» умений и навыков.

В частности, на сегодняшний день ощущается потребность в надлежащем философско-правовом обеспечении теории и законодательного регулирования уголовно-процессуального доказывания – специальной прикладной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. И в этом нет ничего удивительного – ввиду понятных причин доказывание заметно отличается от иных объектов уголовно-процессуального регулирования; особыми видятся и подходы к разрешению соответствующих проблем.

Ведь, с одной стороны, доказывание предполагает очень широкую сферу применения, неразрывно связано с подавляющим большинством уголовно-процессуальных правоотношений, с реализацией их участниками предоставленных законом государ-

ственно-властных полномочий, использованием имеющихся прав, исполнением обязанностей, с проведением различных уголовно-процессуальных действий, принятием уголовно-процессуальных решений, осуществлением иных процессуально-поведенческих приемов – именно потребностью в доказывании обуславливается сложный, полистадийный, достаточно длительный, включающий множество субъектов и процедур порядок производства по любому, пусть даже самому «мелкому» и неприметному уголовному делу. В противном случае – ввиду отказа от удовлетворения данной потребности, вызванного, например, появлением у судей паранормальных способностей к изначальной осведомленности обо всех обстоятельствах и деталях случившегося, уголовный процесс свелся бы лишь к постановлению приговоров либо вынесению иных правоприменительных актов. Поэтому в научных публикациях неоднократно заявлялось о тесном переплетении положений доказательственного права с предназначением, задачами, принципами, иными базовыми постулатами уголовного судопроизводства, об их прямом или, по крайней мере, косвенном отражении в условиях и порядке проведения практически всех установленных уголовно-процессуальным законом приемов и процедур [2, с. 4; 3, с. 5]. А само доказывание нередко называлось «стержнем», «сердцевиной» всего производства по уголовному делу [4, с. 41; 5, с. 122] и даже более сентиментально – «душой» уголовного процесса [6, с. 12].

С другой стороны, механизмы доказывания изначально предопределены имеющими природное происхождение – теми самими полученными человечеством «свыше» способностями к когниции и мыслительной деятельности, к восприятию и умственной генерации различных сведений. Они обусловлены естественно-научными закономерностями, постулатами гносеологии и формальной логики, определяющими сущность познания различных обстоятельств и обоснования соответствующих решений. Тем более что до настоящего времени ни философам, ни специалистам-«естественникам» (психологам, психофизиологам, нейропсихологам и др.) так и не удалось полностью разгадать основные загадки работы человеческого мозга, раскрыть все тайны, присущие приемам восприятия окружающей реальности и умственной обработки улавливаемых сведений – на сегодняшний день лежащие в их основе когнитивные и аналитические процессы остаются до конца неизученными, непонятыми, вызывающими це-

лый ряд безответных вопросов. В частности, ученым пока еще не посчастливилось выявить и четко распознать подлинную природу преобразования допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия, т. е. декодирования нервных импульсов, возникающих в ходе функционирования сенсорной системы (органов чувств) человека, а затем передаваемых в кору головного мозга и вызывающих формирование соответствующих мысленных образов. Ответить на многие возникающие в связи с этим вопросы можно лишь в форме гипотез, подразумевающих достаточно высокую степень вероятности [7, с. 40; 8, с. 431–434].

И таким образом, лежащие в основе уголовно-процессуального доказывания когнитивные и аналитические приемы вообще мало пригодны к той самой, упомянутой выше юридической формализации, т. е. к некоему облачению в уголовно-процессуальную форму. Они явно не предрасположены к четкой правовой регламентации посредством «искусственных» (создаваемых самими людьми) положений уголовно-процессуального законодательства, нередко представляющих результаты политических, экономических, социальных компромиссов и разрабатываемых посредством сложных правотворческих процедур и технологий. Тем более что смысл уголовно-процессуальной формы состоит далеко не в юридической легализации указанных приемов как таковой. Формализация доказывания требуется для разумного ограничения достаточно широкого арсенала потенциально возможных средств и методов социальных взаимоотношений, в том числе приемов познания окружающей реальности, для своеобразной фильтрации допустимых к использованию способов поведения участников досудебного либо судебного производства, т. е. для помещения осуществляемой для нужд уголовной юстиции деятельности в «правильное» русло, отражающее условия развития соответствующего государства и ценностные ориентиры соответствующего общества.

В связи с этим научные, нормативные и даже практические подходы к механизмам уголовно-процессуального доказывания уже изначально обременены множеством лакун, противоречий и шероховатостей. А в современных условиях существования и развития российской государственности, предполагающих постоянный поиск особого, национального концепта уголовной юстиции, включая правотворческие метания и постоянные корректировки уголовно-процессуального закона, эти лакуны,

противоречия, шероховатости становятся еще заметнее, приобретают гораздо большую остроту и актуальность. Несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество исследований и предопределенных их результатами публикаций, практически ни один так или иначе связанный с феноменом уголовно-процессуального доказывания вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски – бессмысленными. Подходы к разрешению подавляющего большинства существующих проблем по-прежнему не предполагают какого-либо единства и лишь приводят к новым и новым раундам дискуссий и полемических обсуждений.

На сегодняшний день даже не наблюдается более или менее единодушного доктринального подхода к самой сути уголовно-процессуального доказывания и его роли в решении стоящих перед уголовной юстицией задач. Вместо этого высказываются совершенно разные, в том числе прямо противоположные, как бы антитетичные по отношению друг к другу позиции. В частности, многие ученые придерживались и продолжают придерживаться так называемого когнитивного подхода – под доказыванием понималось и продолжает пониматься особая, подлежащая использованию для нужд уголовного судопроизводства разновидность когнитивной (вариативно – когнитивно-удостоверительной) деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров, судей, присяжных заседателей, реже – других участников уголовно-процессуальных правоотношений, то есть специфическая разновидность познания (познания-удостоверения) людьми определенных фрагментов окружающей реальности [9, с. 81; 10, с. 6; 11, с. 21]. Одновременно предлагались и продолжают предлагаться критерии для отграничения доказывания от научного познания, бытового познания, иных областей применения людьми своих когнитивных способностей.

В других публикациях можно встретить принципиально иной – так называемый «альтернативный» подход. Он состоит в олицетворении доказывания не столько с познанием (познанием-удостоверением), сколько с процессуальной формой обоснования позиций сторон. Другими словами, под доказыванием понимается деятельность государственных обвинителей, защитников, обвиняемых (подозреваемых), их законных представителей, потерпевших (частных обвинителей), гражданских истцов,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

ответчиков, их представителей, сводящаяся к совокупности риторических приемов, к подбору и надлежащему доведению до субъектов принятия решений, в первую очередь до суда, веских логических доводов, направленных на аргументацию правильности собственных тезисов и ошибочности «контртезисов» процессуальных оппонентов. Подразумевается, что доказать какое-либо обстоятельство – значит убедить «сомневающегося» правоприменителя в его подлинности, заставить поверить в его существование, в неопровержимость подтверждающих его доводов и аргументов. И в связи с этим проводится четкое размежевание познания и доказывания в зависимости от функциональной принадлежности соответствующих участников уголовного судопроизводства, т. е. ввиду выполнения разных процессуальных функций: субъектами познания признаются суды (вариативно – должностные лица органов предварительного расследования), тогда как субъектами доказывания – различные участники со стороны обвинения и стороны защиты. В советский период развития теории доказывания и доказательственного права такие идеи обычно высказывались представителями гражданско-процессуальной науки [12, с. 40; 13, с. 43] либо учеными, проводившими межотраслевые исследования [14, с. 33–35]. Тогда как в части уголовного судопроизводства активность данных позиций резко возросла лишь после принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс), официально закрепившего пресловутую состязательность англосаксонского типа [15, с. 372; 16, с. 155]. Кроме того, в числе сторонников подобных взглядов волею судьбы оказались и бывшие советские ученые-процессуалисты, проживавшие в приближенных к европейской культуре союзных республиках, а после распада СССР продолжившие работать в «местных» академиях и университетах [17, с. 39].

И, наконец, существует еще один, как бы интегративный подход к пониманию уголовно-процессуального доказывания. В монографиях, статьях и прочих публикациях достаточно большой группы ученых доказывание рассматривается наиболее широко – как некий комплексный феномен. В содержание этой деятельности включались и продолжают включаться как познавательные (познавательно-удостоверительные), так и аргументационно-логические, в том числе риторические компоненты [18, с. 299; 19, с. 32–33; 20, с. 60].

Вследствие отсутствия общепризнанного доктринального подхода к сущности уго-

ловно-процессуального доказывания, ввиду бытования нескольких базовых научных концептов и множества вариативных точек зрения о смысле, предназначении, субъектах и содержании этого «увлекательного» занятия проявляющие к нему интерес ученые закономерно сталкиваются (просто не могут не сталкиваться!) с вполне очевидными трудностями. Всякому желающему внести посильную лепту в разрешение ряда извечных проблем теории, нормативного регулирования и практики доказывания приходится уделять определенное внимание всем, по крайней мере наиболее авторитетным либо оригинальным научным взглядам, пытаться «улавливать их логику», т. е. распознавать используемые для их обоснования доводы и аргументы, сравнивать их между собой, оценивать их достоинства, недостатки и т. д. В итоге каждому «ввязавшемуся» в данную проблематику автору приходится убеждать потенциальных читателей в правильности какой-то одной из рассмотренных точек зрения и ошибочности других либо формулировать собственную (какую по счету?!) вариативную позицию о сущности уголовно-процессуального доказывания.

Правда многие из современных исследователей, в первую очередь аспирантов, адъюнктов и прочих научных дебютантов, в силу явной неготовности или, увы, банальной непригодности к изысканиям в столь сложных и глубоких пластах уголовно-процессуальной материи просто не замечают (стараясь не замечать) подобного доктринального плюрализма, поэтому преднамеренно либо неумышленно, в том числе интуитивно, уклоняются от рассмотрения и анализа большинства существующих точек зрения [21, с. 32–33; 22, с. 31–57; 23, с. 44–46]. Обычно предпринимаемые ими научные усилия ограничиваются «дежурным» описанием двух-трех наиболее известных и «растиражированных» позиций, в связи с чем результаты проделанной работы вряд ли подлежат признанию опирающимися на должный теоретический фундамент, представляющими серьезную доктринальную ценность и заслуживающими внимания.

Другие авторы все же пытаются преодолеть возникающие трудности, «обуздывать» наблюдаемое изобилие воззрений о сущности доказывания, но лишь путем их сопоставления с нормами действующего законодательства, т. е. оценки по сугубо формальным основаниям, обычно посредством незамысловатой казуистики [20, с. 44–57]. Хотя порой провозглашаются и более громкие лозунги, например, о predetermined-

сти инновационных подходов к познанию и доказыванию некими либерально-ориентированными положениями Конституции РФ [24, с. 279]. Итоги всех подобных изысканий тоже вряд ли можно признать отвечающими критерию научности и таким образом позволяющими распознать сакральный смысл и подлинное предназначение уголовно-процессуального доказывания, выявить круг его субъектов, уяснить его содержание и т. д. Ведь положения закона, в том числе Конституции РФ и УПК РФ – это всего лишь правовые нормы, всего лишь продукты позитивного правотворчества, «коллективного законодателя». Поэтому такие положения, в том числе правила доказывания, должны не столько предопределять результаты научных исследований уголовно-процессуальной (равно как и любой иной юридической) направленности, сколько, наоборот, сами предопределяться данными результатами.

К слову, «коллективному законодателю» (читай, авторам-разработчикам тех или иных положений Кодекса и перманентно вносимых в него поправок) было бы неплохо почаще обращаться к соответствующим научным публикациям – не к очередным практикоориентированным комментариям к УПК РФ, «шедеврам» процессуальной казуистики, образчикам банального переписывания текста закона, низкокачественным научно-квалификационным работам, выполненным лишь для получения заветной кандидатской или докторской «корочки», и тому подобным источникам, а именно к аутентичным научным трудам (!), освещающим подлинно доктринальные проблемы и возможные пути их разрешения.

Таким образом, остается единственный и, как представляется, наиболее верный путь – прибегнуть к содействию философии в целом и философии права в частности! Другими словами, исследователям надлежит разбираться с имеющимся многообразием базовых идей и вариативных точек зрения о сущности доказывания не иначе как исходя из его очевидной и неперменной подчиненности возникшим и существующим вне зависимости от позитивного правотворчества законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью: восприятия и умственной трансформации полезных сведений, логического мышления и прочих «естественных» процессов, сопутствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Имен-

но эти законы и закономерности видятся единственно приемлемыми методологическими опорами для формирования новых и развития имеющихся постулатов теории уголовно-процессуального доказывания, совершенствования на их основе соответствующих положений законодательства и оптимизации прикладных рекомендаций. Причем данные законы и закономерности являются едиными для самых различных сфер человеческой жизнедеятельности. Представляется, что их работу можно наблюдать и в «макросреде» – в ходе изучения и уразумения «крупных» событий и явлений, например принципов существования природы, устройства социума, формирования общественного мнения, и в «микросреде» – при реконструкции единичных фрагментов окружающей реальности, в том числе различных юридических фактов криминального характера: места, времени, места, способа преступления, виновности лица в его совершении и пр.

И в связи с этим отождествление уголовно-процессуального доказывания исключительно с познавательной деятельностью, т. е. ограничение его содержания лишь совокупностью когнитивных приемов, сводящихся к восприятию, осмыслению и уразумению подлежащих накоплению полезных сведений, начитает представляться вовсе не бесспорным. Очевидные недостатки такого понимания доказывания становятся хорошо заметными на фоне субъективности когнитивной деятельности, в том числе неспособности людей к точному определению «коэффициента мысленного искажения» воспринимаемых ими сведений. К тому же уголовному судопроизводству вообще преимущественно свойственна опосредованность познания, обусловленная ретроспективностью (нахождением в прошлом) основного массива подлежащих установлению (доказыванию) обстоятельств, в первую очередь обстоятельств, входящих в содержание так называемого «главного факта» – события преступления, виновности лица и т. п. В силу вполне понятных причин время реального существования подавляющего большинства таких обстоятельств предшествует времени их установления судами, органами предварительного расследования, другими субъектами уголовно-процессуального доказывания, в связи с чем их непосредственное познание в ходе уголовного судопроизводства представляется возможным в лишь в достаточно редких случаях. Чаще всего подобные когнитивные задачи решаются посредством восприятия, осмысления,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

уразумения и сопоставления с «известными величинами» либо между собой сохранившихся «следов преступления» (следов в широком смысле), т. е. материальных либо идеальных объектов ретроспективного познания.

Другими словами, субъектам уголовно-процессуального доказывания, как правило, свойственно не столько наблюдать подлежащие установлению (доказыванию) обстоятельства, не столько воспринимать их в «режиме реального времени»¹, сколько уразумевать их посредством мысленной реконструкции, воссоздания в своем воображении при помощи осуществления разнообразных аналитических операций и выведения соответствующих умозаключений. И таким образом, ни профессиональные судьи, ни присяжные заседатели, ни должностные лица органов предварительного расследования, ни прокуроры, ни адвокаты, ни прочие причастные к доказыванию лица просто не способны решать стоящие перед ними задачи, обходясь лишь «голыми» результатами опосредованного познания и не прибегая к помощи «инструментов» логического мышления, к умственной генерации накапливаемых сведений, к формулированию predeterminedных ими (сведениями) выводов. Именно эти выводы, будучи «внутренними» источниками новых знаний о «главных фактах» и прочих подлежащих установлению обстоятельствах, сами по себе либо в совокупности с другими выводами уготованы к превращению в процессуальные позиции, позволяющие обосновывать правоприменительные решения либо пытаться оказывать посильное влияние на характер и содержание таких решений путем заявления ходатайств, подачи жалоб, внесения представлений, выступления в судебных заседаниях и т. п.

Вместе с тем для справедливости все же стоит заострить внимание на некоторых значимых для уголовной юстиции обстоятельствах, предрасположенных к непосредственной когниции, к «прямому» восприятию и, таким образом, не нуждающихся в логическом выведении посредством умственной генерации сведений о материальных либо идеальных следах-отображениях (следах в широком смысле). Но такая непосредственность вовсе не исключает надобности в дальнейших аргументационно-логических приемах и операциях, завершаемых соот-

ветствующими умозаключениями. Конечно, вследствие столь продуктивных возможностей восприятия значимых для уголовного дела обстоятельств в натуральном виде роль данных приемов, операций и умозаключений заметно снижена. По крайней мере никакие мыслительные реконструкции для установления подобных обстоятельств явно не требуются. Однако сама природа осуществляемой в отношении них познавательной деятельности остается неизменной, в том числе сохраняющей неопределенность «коэффициента мысленного искажения» воспринимаемых сведений, а ее результаты – предполагающими высокую степень субъективизма и, таким образом, несмотря ни на что требующими должного обдумывания и осмысления.

Ведь в итоге многолетних изысканий в области гносеологии, психологии, психофизиологии и даже нейропсихологии существовавшие ранее представления о человеческом познании как о чем-то сугубо объективном, как о точном отражении реальности удостоились весьма скептических оценок, оказались развенчанными, по крайней мере, подверженными большим сомнениям. В частности, постепенно стали пересматриваться некогда господствующие взгляды известных мыслителей Нового и Новейшего времени, в том числе крупных советских философов, аллегрически сравнивающих возникающие в результате функционирования познавательных механизмов мысленные образы с точными копиями, зеркальными отражениями, «фото-снимками» перцепируемых, т. е. воспринимаемых предметов, устной либо письменной речи и т. д. [25, с. 389; 26, с. 106].

Так, еще в начале прошлого века известный германский философ Э. Кассирер, согласившись с позицией другого немца – физиолога Г. Гельмгольца, полностью исключил саму возможность стопроцентной убежденности разумных людей в абсолютной идентичности каких-либо объектов познания с возникающими в их сознании мысленными образами [27, с. 394]. В дальнейшем схожих взглядов стали придерживаться У. Найссер, К. Поппер, П. Рикер, другие известные западные ученые [28, с. 47; 29, с. 68–70; 30, с. 177]; близкие позиции можно встретить и в отечественной философской литературе второй половины XX в., в том числе в книгах

¹ В связи с этим вспоминается уже ставшая притчей во языцех легенда, связанная с открытием Исааком Ньютоном закона всемирного тяготения. Считается, что ученый всерьез задумался об этом законе, когда ненароком обратил внимание на упавший с яблоневого дерева спелый плод. Не имея никаких намерений обесценивать научные заслуги великого физика, все же хотелось бы помнить об имевшейся возможности непосредственно воспринимать данное природное явление и об отсутствии надобности в его познании посредством следов-отображений. Таким образом, познавать «работу» закона всемирного тяготения в определенном смысле было гораздо легче, чем доказывать подлежащие установлению по уголовному делу обстоятельства.

А.П. Шептулина [31, с. 18] и Э.М. Чудинова [32, с. 18]. И в этой связи в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно говорилось о неприемлемости понимания когнитивных продуктов познавательной деятельности субъектов доказывания – тех самых мысленных образов – как абсолютно точных воплощений реальности. Их предлагалось считать лишь относительно адекватными отображениями объектов уголовно-процессуального познания, предполагающими потребность в дальнейшем осмыслении, в уразумении степени тождества с «первоисточниками», т. е. подлежащими последующей умственной обработке, сводящейся к очередным аргументационно-логическим приемам, операциям, выводам [33, с. 354–357].

Правда, в силу врожденных аналитических способностей и развитых мыслительных навыков любому нормальному человеку, в том числе субъекту доказывания, свойственно выполнять подобные приемы, операции и выводить соответствующие умозаключения практически молниеносно, за считанные доли секунды, особо не осознавая их бытия, характера и содержания. Вместе с тем не признавать их неосценимой роли в решении возникающих перед органами предварительного расследования, судами, иными субъектами уголовно-процессуального доказывания когнитивных задач – значит, попросту отрицать данное человечеству «свыше», т. е. спорить с самой природой.

Еще более несостоятельными видятся идеи о жестком разграничении познания и доказывания как принципиально разных видов процессуальной деятельности, отнесенных к сферам реализации различных уголовно-процессуальных функций в условиях состязательности: познания – к ведению суда, а доказывания – к полномочиям и правомочиям сторон. Из всех существующих подходов к пониманию и соотношению данных категорий такие позиции представляются наименее удачными. Ввиду явной чужеродности национальным традициям правосудия они плохо согласуются с еще сохраняющей приверженность континентальным (романо-германским) канонам общей парадигмой уголовного судопроизводства, во многом противоречат устоявшимся положениям уголовно-процессуального закона, а в особенности вытекающим из таких положений практическим алгоритмам и рекомендациям. По этим же причинам они не соответствуют «народным», т. е. исторически сложившимся у населения представлениям о роли и предназначении уголовной юстиции – плохо гармонизированы со все еще бытующим

(так никуда и не девшимся) обывательским желанием видеть в судьях, прокурорах, следователях, дознавателях дотошных и кропотливых «устанавливателей» истины, сермяжной правды, т. е. «выяснителей» всех обстоятельств и деталей преступлений с одновременным возложением на них полноты ответственности за судьбы рядовых граждан, в своей массе не очень-то способных к самостоятельному участию в состязательных процессах, не располагающих средствами для приглашения компетентных и опытных юристов.

Как отмечалось выше, подобные взгляды имеют достаточно много точек соприкосновения с некогда на шумевшим англосаксонским подходом к пониманию состязательности уголовного судопроизводства, подразумевающим гораздо меньшую, по крайней мере по сравнению с российскими механизмами, активность «юстиции», в первую очередь судебной власти, в установлении значимых для уголовного дела обстоятельств с одновременным переложением соответствующей «нагрузки» на стороны. Кроме того, в указанных позициях хорошо просматриваются пресловутые каноны доказывания в гражданском судопроизводстве и арбитражном судопроизводстве, предполагающие потребность в большей наступательности сторон для обоснования либо опровержения исковых и тому подобных требований.

Но даже в части рассмотрения гражданских и арбитражных дел, равно как и в части практического воплощения англосаксонской уголовно-процессуальной доктрины, подобные суждения о доказывании и его соотношении с познанием все равно представляются достаточно спорными, не учитывающими ни ретроспективности большинства подлежащих установлению обстоятельств, ни судебных потребностей в надлежащем осмыслении их мысленных образов. А для публичного уголовного судопроизводства, где суд – нечто большее, чем просто суд, а «номинально» равноправные перед ним (судом) стороны в реальности располагают далеко не одинаковыми возможностями по собиранию и представлению доказательственного материала, говорить о справедливости и потенциальной жизнеспособности данных научных позиций вообще не приходится – они видятся абсолютно неприемлемыми, противоречащими самой природе современной уголовной юстиции.

Представляется, что доказывание нельзя сводить к одной лишь совокупности риторических приемов обвинителей, защитников,

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

обвиняемым (подсудимых) иных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или стороны защиты, нельзя ограничивать одним лишь подбором и надлежащим доведением до правоприменителей веских доводов, аргументов, силлогистических посылок, способствующих формированию их усмотрений в условиях состязательности. И таким образом, доказывание неверно признавать исключительно формой убеждения в правильности одних позиций и ошибочности других, а его цель видеть не более чем в склонении суда к вынесению отвечающего интересам обвинения либо или защиты, а подчас – и просто выгодного кому-либо из участвующих лиц решения.

Несмотря на мнимую эстетику, на схожесть с сюжетами известных голливудских шедевров, продуктов современной отечественной киноиндустрии и тому подобных экранных сказок о красноречивых выступлениях адвокатов в судебных заседаниях, подобное понимание доказывания мало соответствует реальным потребностям правоприменительной практики. Ведь, не будучи предрасположенными к собственной когниции подлежащих установлению обстоятельств, государственные либо частные обвинители, защитники, обвиняемые, другие воплощатели сторон обвинения и защиты попросту не имели бы возможности надлежаще подготовиться к участию в судебных диспутах, не располагали бы должными гносеологическими ресурсами ни для формирования требуемых аргументов, доводов, логических посылок, ни для определения тактики их использования. Уголовно-процессуальное доказывание в этом случае превратилось бы в бессмысленную череду никак не связанных со своим собственным предметом риторических маневров, а деятельность сторон – в пустое «сотрясение воздуха», в спор ради спора. Любые пригодные к использованию для нужд уголовного судопроизводства аргументы, доводы, силлогистические посылки не

способны возникать из ниоткуда, появляться «из воздуха». Возникновение этих формально-логических ресурсов всегда надлежит связывать с результатами предшествующей познавательной деятельности их «создателей», сводящейся к собственному установлению данными лицами обстоятельств случившегося и направленной на «приватное» уразумение и «приватную» оценку произошедшего, а также на осознание перспектив и определение конкретных средств обоснования соответствующих правоприменительных актов.

Таким образом наиболее приемлемым для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике представляется упомянутый выше интегративный подход, предполагающий комплексный характер, т. е. включение в содержание уголовно-процессуального доказывания как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.

Правда, это всего лишь подход, т. е. некая совокупность, некое множество концептуально схожих, направленных в одну сторону, но все же отличающихся друг от друга вариативными точками зрения. Думается, что не углубившись в их особенности, не уяснив смысла связанных с ними дискуссий, вряд ли можно рассчитывать на достижение каких-либо серьезных успехов в данном научном направлении. Да и вообще представляется, что некоторые существующие в части уголовно-процессуального доказывания доктринальные проблемы вызваны изначальной неопределенностью и многозначностью (!) употребляемых терминов – подобные нюансы тоже не могут быть оставлены без должного внимания. А ввиду ограниченного объема настоящей статьи автор намерен еще неоднократно возвращаться к рассмотрению всех этих и многих других вопросов в последующих публикациях.

Список источников

1. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.
2. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
4. Рахунув Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.

References

1. Savenkov A.N. Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization. Moscow, 2024.
2. Kaz Ts.M. Evidence in Soviet Criminal Procedure. Saratov, 1960.
3. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure / edited by N.V. Zhogin. Moscow, 1973.
4. Rakhunov R.D. Participants in Criminal Procedure Activity. Moscow, 1961.

5. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010.
6. Шейфер С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015.
7. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М., 1967.
8. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2022.
9. Божьев В.П. Основные вопросы советского уголовного процесса. М., 1978.
10. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996.
11. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005.
12. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / отв. ред. М.А. Гурвич. М.; Ленинград, 1950.
13. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972.
14. Курьлев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
15. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание. М., 2016.
16. Машовец А.А. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2(44).
17. Домбровский Р.Г. Основы судебного доказывания в уголовном процессе. Рига, 2011.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
19. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
20. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004.
21. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.
22. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022.
23. Мельников М.В. Собрание доказательств при проверке сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
24. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
25. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. М., 1954.
5. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings. Moscow, 2010.
6. Sheifer S.A. Collection of Evidence in a Criminal Case: Problems of Legislation, Theory and Practice. Moscow, 2015.
7. Perception and Action / edited by A.V. Zaporozhets. Moscow, 1967.
8. Maklakov A.G. General Psychology. St. Petersburg, 2022.
9. Bozhev V.P. Basic Issues of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1978.
10. Khmyrov A.A. Problems of the Theory of Proof. Krasnodar, 1996.
11. Pobedkin A.V. Theory and Methodology of Using Verbal Information in Criminal Procedure Proof. Moscow, 2005.
12. Kleinman A.F. Basic Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure / ed. M.A. Gurvich. Moscow; Leningrad, 1950.
13. Vaneva L.A. Judicial Knowledge in Soviet Civil Procedure. Vladivostok, 1972.
14. Kurylev S.V. Basics of the Theory of Proof in Soviet Justice. Minsk, 1969.
15. Borulenkov Yu.P. Legal knowledge, proof and proving. Moscow, 2016.
16. Mashovets A.A. Proving a criminal claim in adversarial proceedings // Society and Law. 2013. № 2 (44).
17. Dombrovsky R.G. Fundamentals of judicial proof in criminal proceedings. Riga, 2011.
18. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Moscow, 1968. Vol. 1.
19. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2009.
20. Balakshin V.S. Evidence in the theory and practice of criminal procedural proof. Ekaterinburg, 2004.
21. Stelmakh V.Yu. The system of evidence in the pre-trial stages of criminal proceedings: problems of theory, regulation and practice: dis. ... Grand PhD in Law. Ekaterinburg, 2021.
22. Cherkasov V.S. Legal regulation of the use of electronic means in evidence at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Khabarovsk, 2022.
23. Melnikov M.V. Collection of evidence when checking a crime report: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2023.
24. Voskobitova L.A. Mechanism for the implementation of judicial power through criminal proceedings: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2004.
25. Dialectical materialism / edited by G.F. Alexandrov. Moscow, 1954.
26. Koptin P.V. Gnoseological and logical foundations of science. Moscow, 1974.

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

26. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
27. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и П.С. Юшкевича. СПб., 1912.
28. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. М., 1981.
29. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М., 2002.
30. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М., 2008.
31. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983.
32. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977.
33. Россинский С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3.
27. Cassirer E. Cognition and reality. The concept of substance and the concept of function / translated from German by B.G. Stolpner and P.S. Yushkevich. St. Petersburg, 1912.
28. Neisser U. Cognition and reality. The meaning and principles of cognitive psychology / translated from English by V.V. Luchkov. Moscow, 1981.
29. Popper K.R. Objective knowledge. Evolutionary approach / translated from English by D.G. Lakhuti; ed. V.N. Sadovsky. Moscow, 2002.
30. Ricoeur P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / translated from French by I.S. Vdovina. Moscow, 2008.
31. Sheptulin A.P. Dialectical method of cognition. Moscow, 1983.
32. Chudinov E.M. The nature of scientific truth. Moscow, 1977.
33. Rossinsky S.B. On the development of the theory of evidence in criminal proceedings // Russian criminological view. 2013. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich, Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.